

ЗНАКОМЫХ ОБРАЗОВ

Обновление жизни прославленных балетов всегда взаимосвязано с творческими поисками, художественными открытиями актеров. И когда среди участников старой постановки появляются имена всеми признанных, любимых артистов, интерес к спектаклю возрастает, токи новой жизни пронизывают весь его «организм».

Подобное случилось и с балетом «Ромео и Джульетта», который приближается к своему двухсотому представлению на сцене Большого театра Союза ССР. Афиша гласила, что сегодня состоится первое выступление Екатерины Максимовой в роли Джульетты и Владимира Васильева в роли Ромео. Однако даже для таких крупных артистов первое исполнение этих партий не было просто волнующей премьерой, оно явилось для каждого из них сложным и ответственным событием жизни, именно жизни.

Итак, первая встреча с Шекспиром, первое приобщение к образам мировой драматургии! Новая встреча с музыкой Прокофьева и с драматической хореографией балетмейстера Лавровского. И, наконец, новый, важнейший этап в их постоянном творческом общении со своим художественным наставником и верным другом — Галиной Сергеевной Улановой, в недавнем прошлом прославленной всем миром Джульеттой.

В расцвете своих творческих сил входят Максимова и Васильев в знаменитый шекспировский балет. И его краски, поблекшие, увя, не от времени, а от досадной небрежности, вдруг заиграли, заблестели по-новому. Вот именно это мы и почувствовали на спектакле с участием «дебютантов». Артисты открыли перед нами жизнь, наполненную кипучими страстями, которые бурлили

на площадях и улочках Вероны и Мантуи, в доме и в саду Капулетти, в келье патера Лоренцо и даже на кладбище...

О Максимовой и Васильеве в ролях Джульетты и Ромео можно и, наверное, должно говорить пространно и о каждом в отдельности. Но в данном случае под первыми впечатлениями от спектакля мне хочется сказать об обоих сразу — о неразрывной художественной целостности их нового художественного творения. И суть новизны рожденных ими образов не столько в том, что гармоничную красоту танцевального этого друга следует признать действительно «классической», сколько, пожалуй, в том, что у них при различии характеров и темпераментов — глубокое единство духовного подхода к процессу создания характеров — искренность, естественность, душевная сердечность в выражении чувств, эмоций, мыслей в танцевальном действии.

Да, это, может быть, самое трудное — танцевать любовь, воплощать ее в условных формах классического танца и балетной пантомимы. Умение выразить простоту, правду, искренность душевных порывов доступно не всем. Но Максимова и Васильев владеют этим редким даром.

Джульетта Максимовой — вначале безмятежная, наивная девочка, пленяющая своей грацией, затем потрясенная встречей с Ромео, с любовью, обаятельно расцветающая юная женщина, трепетная и кристально чистая; в последующих драматических коллизиях мы видим ее уже иной — сразу повзрослевшей в своем протесте против насилия родителей, и, наконец, в момент прозрения в склепе, около мертвого Ромео — как предельно напряженно звучит у Джульетты — Максимовой высокая трагедийная нота...

Так и Васильев лепит «своего» Ромео, отходя от привычных примет облика героя — от меланхолической томности, романтической отрешенности. Первая встреча показывает нам его юношей, по натуре своей полным сил и веселых жизненных соков молодости, остроумным и веселым, в чем-то похожим на своего друга Меркуцио. Такой Ромео мечтательно страдает от любовной тоски. Потом в течение стремительно развивающегося драматического действия он, как и Джульетта, потрясенный огромной силой вспыхнувшего в нем чувства и отдающийся ему с возвышенным восторгом, далее, мужаящий после гибели Меркуцио и яростной схватки с Тибальтом, Ромео Васильева мучительно размышляет о происшедшем... Глубоко трагичны его прощание с любимой и страстное стремление к ней навстречу, через смерть.

На этом первом спектакле, тут же, на сцене, за занавесом, с другой стороны которого не прекращался шквал аплодисментов и возгласы радостно возбужденных зрителей, Максимова и Васильев, почти что забыв о них, горячо и взволнованно обсуждали свои промахи, что-то неудавшееся, забытое в излишней нервозности, то есть все те художественные потери, которые всегда неизбежны для первых выступлений в спектаклях... И это было замечательно!

Вот она — подлинная страстная самозыскательность больших артистов! В ней залог совершенствования, движения вперед этих мастеров в столь любимом ими искусстве, которое, как и сама любовь (перефразируя Шекспира), — «...безумье мудрое: оно и горечи и сладости полно...».

Элла БОЧАРНИКОВА.

СВЕТЛАНА МАТВИЯ
Г. МОСКВА

18 МАЯ 1973